

РАБОТЫ О ДОСТОЕВСКОМ П. С. ПОПОВА*

В 2005 г., в год 250-летия Московского университета, на философском факультете с уважением и благодарностью вспоминали заведующего кафедрой логики проф. Павла Сергеевича Попова (1892—1964). Высокообразованный и интеллигентный, скромный по натуре, он отличался глубиной и широтой знаний. Ему принадлежат работы по истории логики, по которым до сих пор обучаются студенты. Он автор оригинальных литературоведческих трудов по исследованию творчества Пушкина, Льва Толстого и Чехова. Он друг и первый по достоинству оценивший талант Михаила Булгакова. Он создатель оригинальных работ о Достоевском, не потерявших свою актуальность. У Попова остались ученики-ученые, по сей день вспоминающие его увлекательные семинары с аспирантами.

Любимый ученик известного в конце XIX—начале XX в. профессора Московского университета Л. М. Лопатина (1855—1920) — создателя «Психологической метафизики», редактора журнала «Вопросы философии и психологии», председателя Московского психологического общества, П. С. Попов, еще студентом, вошел в кружок своего учителя, где собирались известные в первые годы советской власти молодые талантливые философы, в основном выпускники Московского университета, не разделявшие идеологию марксизма.

Некоторые из них прошли стажировку в Германии, другие, не выезжая за рубеж, внимательно изучали достижения европейской мысли и отечественной философии. Это был поистине цвет русской отечественной философской мысли, о котором Н. О. Лосский писал: «Русская молодежь, изучая философию в Германии, тесно соприкасалась со своими учителями и с немецкими студентами и знакомила их с русской философией. Можно поэтому сказать, что в то время не только немецкая философия оказывала влияние на русскую, но и русский онтологизм и интуитивизм начинали оказывать влияние на немцев».¹ (Правда, так было до начала Первой мировой войны).

Не последнее место в кругу Лопатина занимал Попов. Увлекаясь литературой и средневековой мыслью, он охотно принимал участие в часто возникавших на квартире учителя дискуссиях по вопросам философии, искусства и даже марксизма. Несмотря на разницу точек зрения, друзья Лопатина тяготели к психологическим проблемам, внимательно следили за достижениями зарубежной психологии, хорошо знали работы З. Фрейда. П. С. Попов еще студентом участвовал в психологическом семинарии проф. Г. М. Челпанова,

* Статья подготовлена при содействии РГНФ, проект № 06-03-00297а.

¹ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 406.

который в 1907—1929 гг. возглавлял кафедру философии в университете и был создателем Психологического института.

Когда в 1923 г. за рубежом вышла книга Фрейда «„Я“ и „Оно“», Попов, тогда молодой преподаватель университета, сразу же откликнулся на нее. В специальной Комиссии по изучению Достоевского при Академии художественных наук он читал доклад «„Я“ и „Оно“ в творчестве Достоевского».

Доклад получил отклик не только в России. В 1925 г. статьей «Достоевский. Психологический очерк», отредактированной самим Фрейдом, с Поповым полемизировал коллега австрийского психолога — Нейфельд. Ученик Фрейда доказывал, что «жизнь писателя Достоевского, его характер, его суть зависели и определялись целиком комплексом Эдипа». Автор легко узнавал в образах писателя «фрейдистские механизмы», видел в них «основание всех его романов».²

Возникла своего рода международная дискуссия. Попов ответил Нейфельду, а через него самому Фрейду, обстоятельной статьей. Это тем более было важно, что к середине 1920-х гг. среди отечественных психологов возникла острейшая дискуссия по поводу соединения психоанализа с марксизмом. Распространению фрейдизма в России содействовало одобрительное отношение к нему партийных руководителей, в частности Л. Троцкого, который резко выступал против противников Фрейда.³ Среди русских ученых появились такие, которые с позиции «Эдипова комплекса» доказывали, что творчество Пушкина, Гоголя, Лермонтова и, конечно, Достоевского продиктовано именно им (И. Ермаков, Я. Коган и др.).

В послесловии В. М. Лейбина к недавно вышедшей в России книге о Фрейде читаем: «Понимание жизни и творчества Достоевского через призму комплекса Эдипа встретило возражение со стороны ряда русских исследователей». В числе их названа фамилия Попова: «Попов П. С., автор „Я“ и „Оно“ в творчестве Достоевского» был против грубого использования сексуальных схем Фрейда.⁴ Но дело не только в том, что Попов показал несостоятельность фрейдистского подхода к Достоевскому. Обращение Попова к Фрейду послужило поводом, позволившим ему основательно и подробно раскрыть особенности художественного метода писателя.

Попов особенно ценил Достоевского как мастера, использовавшего «оригинальные средства изобразительности», главнейшими из которых считал «умение тонко описывать глубины бессознательной человеческой души». Попов не раз подчеркивал, что это умение

² Нейфельд. Достоевский. Психологический очерк / Под ред. проф. З. Фрейда. М.; Л., 1925. С. 78, 89.

³ См.: Троцкий Л. Соч. М.; Л., 1927. Т. 21. С. 430.

⁴ З. Фрейд: Психоанализ и русская мысль. М., 1994. С. 382.

«важно не само по себе», а как содержащее *главное*, *ключ* к пониманию всего творчества писателя, по его словам — «творчества Достоевского в целом».

Своей статьей Попов солидаризировался с авторами петербургских сборников о Достоевском под редакцией проф. А. С. Долинина, вышедших в свет в 1921 и 1925 гг. Он, к примеру, ссылаясь на Аскольдова (О. Алексеева), подчеркивавшего глубинный смысл психологического характера героев Достоевского. Вслед за Аскольдовым Попов показывал, что герои писателя психологически дополняют друг друга, что, наконец, «собранность» героев Достоевского надо искать в одном лице — в авторе — «в самом Достоевском».⁵

Полемизуя с прямолинейными толкователями героев писателя, Попов неоднократно повторял, что без учета внутреннего мира человека, без учета «Оно» — внутреннего мира человеческой души — «ничего не поймешь в душевной стихии» героев, что «Оно» определяет сущность личности. Величие Достоевского-художника Попов видел в умении показать «подноготное души», открыть ее «подспудные силы». И он не скупился на примеры. Он обращался к роману «Идиот» и к особенно любимому им роману «Братья Карамазовы», в котором, по его словам, даны «блестящие описания подноготной души». А вывод был один: «...сила Достоевского заключается в умении постичь внутренние двигатели» внутреннего мира человека.

Специально заметим, что Попова не устраивал не только Фрейд, но и позиция психофизического параллелизма Челпанова, восходящая к немецкому психологу и философу В. Вундту, для которого глубокие «факты сознания», недоступные эксперименту, недоступны и пониманию. Вслед за Достоевским Попов считал, что внутренний мир человека может быть понят. Он не сводится только к рационализму. «По мнению Достоевского, — пишет Попов, — человек действует, кто бы он ни был, не по разуму, а по своему свободному хотению». И далее: «Рассудок есть вещь хорошая <...> но рассудок есть только рассудок <...> а хотение есть проявление всей жизни». И что особенно важно: «Хотение, фантастические мечты и бессознательные порывы... нарушают начала рассудочности».⁶ Именно это *хотение* и выражает индивидуальность личности, составляет ее центр, душу. И в этом отношении Попов близок к Вяч. Иванову — оригинальному последователю Вл. Соловьева, автору книги о Достоевском, считавшему инстинктивное, творческое начало выше начал рациональных.

Размышлениями о соотношении сознательного и бессознательного, рассудочного и интуитивного Попов подводил читателя к пониманию особенностей художественной манеры Достоевского.

⁵ Достоевский: Сб. статей / Тр. Гос. Академии художественных наук. Лит. секция. М., 1928. Вып. 3. С. 220.

⁶ Там же. С. 229, 232.

В Рукописном отделе РГБ сохранился следующий план статьи Попова, относящийся к 1930-м гг.:

Заемствованный сюжет в «Братьях Карамазовых»
(К вопросу о влиянии Жорж Санд на Достоевского).

I. «Личный роман» (Ж.-Ж. Руссо) и «страшный роман» (А. Радклиф) — два жанра, культивировавшиеся французской литературой 30-х гг. и вступившие затем в сложное сочетание друг с другом в творчестве Жорж Санд.

II. С традициями «страшного романа» (*Le roman terrifiant*) связано творчество Достоевского.

III. Уже первое произведение Достоевского подчинено литературной традиции Ж.-Ж. Руссо.

IV. Русская литература 50-х гг. в многочисленных подражаниях романам Жорж Санд, создавая образ трагической героини, стремится осуществить указанный синтез двух старых литературных традиций.

V. Трагическая героиня Жорж Санд в сочетании с сюжетом «сентиментального воспитания» находит себе место в нескольких произведениях Достоевского второго периода его творчества.

VI. В «Братьях Карамазовых» заемствованный сюжет, подчиняясь символическим заданиям Достоевского, превращается в материал литературной пародии.

(РГБ, ф. 547, оп. 2, д. 5, л. 1)

Попов был одним из первых, кто вступил в дискуссию об особенностях реализма писателя, продолжающуюся и по сей день. Он одним из первых сумел в романах Достоевского за нагромождением лиц и событий, за бесконечными случайностями и неожиданностями, на первый взгляд неестественными, подчас фантастическими, в чем-то противоречащими законам природы и логики, разглядеть главное — стремление автора раскрыть сложный внутренний мир героев, движение их души, ее оттенки, нюансы, тенденции.

Для Попова было понятно, что реализм Достоевского намного выше господствовавшего в его время плоского реализма авторов «физиологических очерков», зеркально-точно описывающих окружающее бытие. Тонким и обстоятельным анализом Попов приводит читателя к пониманию известной фразы великого писателя: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой реализм — реальнее ихнего» (28₂, 329).

Нельзя не обратить внимание на слова писателя о глубинных основах своего, так называемого фантастического реализма, на

слова о том, что сам он вместе со своей страной пережил в своем духовном развитии такое, что не укладывается ни в какие рамки здравого смысла: «Да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный настоящий реализм. Это-то и есть реализм».

Не могу не подчеркнуть: по своему духу Достоевский из всех великих русских писателей был наиболее близок Попову именно из-за умения видеть реальное за «фантастическими, неординарными событиями жизни и души». Ведь сам Попов пережил в своей собственной жизни такое, что не укладывается в рамки здравого смысла: счастливое детство, увлекательная учеба в университете, новые умные друзья-философы и вдруг — война, революция, бессмысленное разрушение дикой безграмотной толпой родового гнезда, лишение всех средств к существованию, арест, изгнание из Москвы, бедствия любимого отца... Но вернемся к статье.

Статья Попова о Достоевском представляет не только литературоведческий, но и философский интерес, поскольку мировоззрение писателя в ней рассматривается через призму философских концепций конца XIX—начала XX в., Фрейда в том числе.

Особо следует сказать об отношении Попова к философии марксизма, которую он никогда не разделял и не принимал. И не потому, что был человеком верующим. Она шла вразрез с его гуманистическими установками, в частности, с его отношением к Достоевскому.

Напомним: Достоевский был первым русским писателем-классиком, на которого обрушился гнев большевистской печати. Еще задолго до Октябрьской революции соредатор большевистского журнала «Образование» А. Луначарский, тогда не совсем освободившийся от влияния махиста Р. Авенариуса, накинулся на писателя со словами: «В Достоевском... было много желчи, ненависти больного калеки. Искалеченные, пришибленные пахнут мертвечиной, несмотря на экстазы и торжественный тон; все это отрывка упований на небесное тех отчаянных, усталых полумертвых поколений. Это страшный порок. Но при правильной социальной перемене таких типов будет все меньше...».⁷ Теперь мы знаем, как, захватив в руки власть, большевики «уменьшили» число таких «типов». Одни были высланы из страны, другие погибли в гражданской войне, третьи арестованы и уничтожены в ГУЛАГе, четвертые превратились в молчаливых винтиков военной машины полувоенного государства.

Попову «повезло». Арестованный в 1931 г., он, благодаря стойчивости своей молодой супруги, внучки Л. Толстого, Анны Ильиничны Толстой, был выпущен «на поруки» и тут же, как «чуждый

⁷ Образование. 1906. № 8. С. 54—55.

элемент», был выслан из Москвы; но главное — он остался жив и не лишился разума после карцера на Лубянке. Поводом для ареста послужило участие Попова в литературно-философском объединении «Имяслово». Известную роль сыграл также отрицательный отзыв на его статью о Достоевском, который сразу же появился в 3-м томе «Литературной энциклопедии» за 1929 г. Ее автором был профессор, член Комакадемии, убежденный коммунист, издавна интересовавшийся творчеством Достоевского, тогда авторитетный литературный критик, В. Д. Переверзев.

Для правоверного коммуниста Переверзева Достоевский — «плебей, осознавший в себе гения», выражавший настроения души «разлагающегося мещанина» с «патологическим влечением пострадать». Такой «тип», как он считал, чужд идеям революции, а значит, истории и прогрессу. Он не нужен делу коммунистического строительства, а посему — подлежит революционному уничтожению. Но злобная критика не убила в Попове желания бороться за сохранение отечественной культуры, за Достоевского. И, как только представилась возможность, он вернулся к любимому делу. Но не прямо, а через творчество друга и соратника — писателя Михаила Булгакова.

Небольшое пояснение. Влюбленный в творчество Булгакова, считая его великим писателем России, Попов уловил внутреннюю связь творческой манеры Булгакова и художественного мастерства Достоевского. По мнению Попова, Булгаков — это Достоевский современности. Их роднят трагические судьбы, их сближает художественная манера — умение за нелепостями, фантазиями, алогичностью жизни видеть истинную картину бытия и муки человеческого сознания. Писатели совпали, в глазах Попова, в главном: и у того и у другого лучшие человеческие качества сосредоточены в Христе и определяются близостью к нему.

Рассказ Булгакова об Иешуа в «Мастере и Маргарите» в чем-то совпадает с «Легендой о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых». Между прочим, о близости Булгакова и Достоевского писал и М. А. Волошин.

А как возмущался Булгаков, когда во время своего путешествия на Кавказе попал в Тбилиси на литературную дискуссию и услышал, как заезжий лектор «стер с лица земли» Гоголя и Достоевского. Булгаков вспоминал, как он «три дня и три ночи готовился разоблачить докладчика». Сидел у открытого окна с книжкой Пушкина на коленях, где были слова: «...Клевету приемли равнодушно». Но Булгаков не послушался совета поэта: «Нет, не равнодушно! — писал он. — Нет. Я им покажу!!!». И показал! Булгаков выступил с речью. «Докладчик лежал, — по его словам, — на обеих лопатках».⁸

⁸ Булгаков М. Дневник. Письма 1914—1940. М., 1997. С. 562.

Точно так же поступал и Попов, когда клевета сгущалась над его другом. Он не раз спасал Булгакова от самого страшного.

Любимым произведением Булгакова для Попова был роман «Мастер и Маргарита», который он сравнивал с «Бесами» Достоевского, считая, что «Бесы» живописуют не только путь анархистов эпохи царизма, но и события послеоктябрьской России. Умонастроения Достоевского и Булгакова для Попова были идентичны. Он писал Е. С. Булгаковой в 1940 г.: «У Достоевского тоже поражает <...> безусловная антиреволюционность. <...> И у Миши так же резко. Но сетовать нельзя. Писатель пишет по собственному внутреннему чувству — если бы изъять идеологию „Бесов“, не было бы так выразительно. <...> Гениальное мастерство всегда остается гениальным мастерством...».⁹

Педагогическая работа в Московском университете не мешала Попову заниматься литературой. Он продолжал внимательно следить за судьбой литературного наследия Достоевского. Как вспоминает директор Московского мемориального музея Достоевского Г. В. Коган, Попов был частым его посетителем. Как правило, он приходил туда вместе со своей двоюродной сестрой Анной Михайловной Шуберт и ее внуком.¹⁰ Коган вспоминает также, что Попов активно участвовал в подготовке доклада А. М. Шуберт об отношениях Достоевского с артисткой Малого театра А. И. Шуберт (Куликовой), которая вскоре стала женой старинного знакомого писателя — врача С. Д. Яновского.¹¹

Попова, человека удивительного гуманизма и совестливости, угнетало, что грубая марксистская идеология, с которой он сталкивался на философском факультете университета на каждом шагу, сводилась к преследованиям инакомыслящих, губила философскую мысль, запрещала преподавание тех философских идей, с которыми в молодости онзнакомился в кругу Лопатина. Чтобы как-то восполнить этот пробел, он вместе со своим учеником Сяжкиным взялся за труды по истории логики. Один из этих трудов назывался «История логики в России». В нем говорилось и о Достоевском. К сожалению, он пока не обнаружен.

Попова страшно огорчало, что сочинения любимого им писателя находятся по существу под запретом, что в стране действует партийная установка в отношении Достоевского, четко представленная статьей Луначарского еще в 1931 г. в 23-м томе БСЭ, где Достоевский был назван «большим талантом», «руководящим мудрецом мещанства, который, чуждый материализму, — читай марксизму, — не видел подлинный корень социального зла», «не понимал», что «исце-

⁹ Соколов Б. Энциклопедия булгаковская. М., 1998. С. 392.

¹⁰ Внук А. М. Шуберт — Михаил Александрович Бокучава, ныне преподаватель кафедры истории русской литературы МГУ.

¹¹ Письма А. И. Шуберт к Достоевскому см.: 28., 7—15.

ление от него» только «в революционном перевороте, который несет в себе пролетариат».

Луначарский объявлял Достоевского «в значительной степени одержимым мрачным карьеризмом, мрачным духом наживы». Более нелепого обвинения человеку, который всю свою сознательную жизнь посвятил писательскому труду и жил за его счет, придумать трудно! Луначарский призывал читателей «сугубо критически» пройти «через Достоевского», ибо, по его словам «*непосредственное влияние*» Достоевского «*есть вещь вообще для пролетариата не только вредная, но и позорная...*» (курсив мой. — Ф. Н.).¹²

Такое отношение к писателю наркома просвещения революционного правительства понятно. Оно вполне соответствовало марксистским установкам: народные массы не должны думать, размышлять, а лишь слепо следовать за вождями, бездумно выполнять лозунги революционных лидеров.

Но усилия пропагандистов коммунизма иногда давали осечку. Достоевского, пусть немногие, но читали. Несмотря на запреты, его читала молодежь. По рукам ходили сборники под редакцией А. С. Долинина. Из рук в руки передавались статьи Л. Гроссмана.

Чтобы пресечь интерес к великому классику, Всесоюзное общество «Знание», образованное в 1947 г., в качестве одной из первых своих акций организовало в Большом лекционном зале общества на Лубянке специальную лекцию В. В. Ермилова. Она называлась «Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского». На лекцию в принудительном порядке по разнарядке райкомов партии были «приглашены» пропагандисты из всех районов столицы, в основном преподаватели вузов.

Лекция была приурочена к событиям французской революции 1848 г., от которой, по словам лектора Ермилова, «Достоевский отшатнулся в лагерь реакции». Любопытно, что правоверный марксист каялся перед слушателями в том, что ранее «идеализировал творчество Достоевского», переоценивал «его гуманистические мотивы». ¹³ Считая, что «в целом влияние Достоевского вредно для развития мировой прогрессивной литературы», он настойчиво рекомендовал «всем нашим исследователям, работавшим над творчеством Достоевского... многое пересмотреть в своих оценках и отказать от либерального сахара».

В союзники Ермилов взял... Горького, который в конце жизни, опутанный обаянием Сталина, делал то, что желал от него

¹² Большая советская энциклопедия. М., 1931. Т. 23. С. 315.

¹³ Ермилов В. В. Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского: Стенограмма публичной лекции. М., 1948. С. 4 и далее.

«вождь народов». По указке Кремля пролетарский писатель объявил Достоевского «глашатаем неких темных и враждебных человеку сил». Точно так же поступал и Ермилов. Мало понимая творчество писателя, он утверждал, что тот провозглашал «абсолютные законы» человеческой природы, и прежде всего «закон извечного тяготения человека к жестокости и мерзости», способный «отлично ужиться» со стремлением к добру и красоте. Убежденный атеист, он не желал видеть, что злу и пороку у героев Достоевского противостоит Евангелие, что трагические судьбы героев романов писателя, как правило, кончаются мучительными поисками пути к идеалу человека — Христу. Ермилов заявлял, что «у каждого человека должно быть ведущее, главное начало. У героев же Достоевского такого ведущего начала нет». Библию он не замечал.

Критик убеждал слушателей, что лейтмотив писателя — внушить читателям, что «все люди по сути своей анархисты, разрушители», предотвратить их бедствия может не гуманизм, а лишь «страх божий». Как и Горький, Ермилов подчеркивал, что Достоевского можно отлично представить в роли карателя людей за их извечные грехи. Каких только мерзких слов и пассажей не употреблял лектор, приписывая Достоевскому убеждение в том, что «человек» по природе своей — мучитель, что грех и злоба ему присущи извечно. Главным героем романов Достоевского он объявлял некий тип злодея, доказывая этим, что писатель и сам более всего «любит зло», а поэтому снисходителен «ко всем мерзавцам».

Ермилов ополчался на тех советских литературоведов, которые «все еще по-либеральному» воспевают «гуманизм» Достоевского, его «веру в человека», пытаются ставить его в один ряд с Пушкиным, Гоголем, Толстым. С пеной у рта он обрушивался на работы А. Долинина, а завершал свою погромную критику словами: «Такая идеализация Достоевского не имеет ничего общего с научным, марксистско-ленинским изучением творчества писателя».

Ермилов ратовал за «классовый подход» к творчеству Достоевского, которое, якобы, «свидетельствует, что писатель идеализировал все косное, отсталое в жизни страны», превозносил «реакционные предрассудки крестьянства», его «веру в царя и в боженьку», противопоставляя все это революционной интеллигенции. Действительно, писатель не принял идеи революционной интеллигенции того времени, — бесов, — но теперь-то мы знаем, чем окончилась их победа.

Не будем касаться отдельных ошибочных утверждений лектора, в частности, что «каторга окончательно развеяла его (Достоевского. — *Ф. Н.*) непрочную, сентиментальную веру в человека» или что «Записки из подполья» проникнуты «лютой ненавистью ко всему передовому, прогрессивному».

Шли годы. Менялась политическая ситуация в стране. После смерти Сталина зрели перемены.¹⁴ Но долго еще сохранялся «пролетарский подход» к творчеству Достоевского. И опять в 1956 г. Ермилов выступил с требованием «пролетарского подхода» к творчеству писателя в книге «Ф. М. Достоевский». И опять в ней сыпались обвинения писателя в «отрыве» от передовых общественных сил, в пропаганде реакционных взглядов, в «сугубом индивидуализме».¹⁵ Как и раньше, Ермилов с особой страстностью обвинял писателя в «путанице» социальных адресов.

Правда, теперь он несколько поменял акценты. Теперь он говорил не столько об ошибочности политической ориентации писателя, сколько об ошибочности его творческой манеры. Особенно не нравилась автору «идея раздвоенности». По его мнению, героям Достоевского не хватает цельности, определенности, законченности. Они все время мечутся, чего-то ищут, а это, по его мнению, прямой путь к «субъективно-идеалистической мистификации». Ермилов предлагал «очистить» героев Достоевского от «достоевщины» — от «двойничества» — упростить их, сделать прямолинейными, однозначными.

Надо было иметь большое гражданское мужество, чтобы открыто выступить против Ермилова, так как в партийных кругах он был известен как большой авторитет в вопросах литературы. Но Попов в статье «Атеистические идеи в творчестве Достоевского» все же выступил против литературного босса.

Любопытно, что статья была помещена в сборнике Всесоюзного общества «Знание» — в том самом обществе, в котором 10 лет тому назад Ермилов начал свою атаку на писателя. Помог случай. В это время Попов, зав. кафедрой логики МГУ, по совместительству ра-

¹⁴ Приводим текст пригласительного билета на вечер памяти писателя, состоявшийся в 1956 г. в Московском музее Достоевского, любезно сообщенный нам Г. В. Коган:

«Вечер, посвященный 76-й годовщине со дня смерти Ф. М. Достоевского,
8 февраля 1956 г.

„Ф. М. Достоевский как философ“.

Докладчик проф. Московского университета П. С. Попов.

I

„Преступление и наказание“, „Письмо“, „Сон“.

Исполняет народный артист МХАТа А. Н. Грибов.

Сцена встречи Свидригайлова с Сонечкой Мармеладовой.

Исполняют артисты МХАТа М. И. Прудкин и Е. А. Хохлова.

II

„Село Степанчиково“.

Исполняют артисты МХАТа А. Н. Грибов и Ю. В. Недзвецкий, Р. О. Эрдман».

¹⁵ Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. М., 1956. С. 13.

ботал в Областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, где кафедрой философии заведовал проф. И. Д. Панцава, руководивший на общественных началах секцией философии в обществе. Он-то и помог публикации статьи, прекрасно понимая, что это риск. А показать несостоятельность ермиловских идей для Попова было делом чести. Правда, в статье фамилия Ермилова названа не была, но сколько-нибудь сведущий читатель не мог не видеть ее направленность.

Статья против Ермилова — работа философская. Не случайно начинается она известным письмом Достоевского к философу-либералу К. Д. Кавелину, в котором писатель подчеркивает, что философия не его специальность.¹⁶ И тем не менее, по мнению Попова, «Достоевский, более чем кто-либо из великих русских писателей XIX века, может претендовать на то, чтобы его философские взгляды были рассмотрены и учтены, в особенности в связи с тем значением, которое Достоевский придавал вопросам общественной и личной морали».

Через всю статью автор проводит мысль Достоевского о том, что мораль, чувства — наиважнейший элемент всякого знания, которое «зарождается в душе», а цель их «любовь и природа». Он цитирует писателя: «Если цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле сердцу... Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное природа!.. Философия есть та же поэзия, только высший градус ее». Попов также воспроизводит слова Достоевского первых лет его литературной работы, когда тот, полный «восторженных надежд и мечтаний, и страстной любви к труду», особенно «сжился» с собственной фантазией, с героями, «которых сам создал», «любил их, радовался, печалился с ними, а подчас плакал самыми искренними слезами».¹⁷

А теперь наш вывод.

Попов, как никто другой, чувствовал, что Достоевский не просто описатель событий, а как бы непосредственный участник их, собственным сердцем болеющий за судьбы своих героев, за их право быть настоящим человеком, «самостоятельным, — как писал Добролюбов, — человеком „самим по себе“».

Попов высоко ценил Добролюбова за «замечательную мысль», за догадку, которая «дает ключ к пониманию всех недоговоренностей, противоречий и колебаний Достоевского», за утверждение, что Достоевский — это писатель поиска. А свои поиски писатель начал в самом начале творческой деятельности, когда почувствовал в себе желание делать людям добро. Попов напоминал, как уже в кругу

¹⁶ Попов П. С. Атеистические идеи в творчестве Достоевского. Материализм и атеизм. М., 1958. С. 234.

¹⁷ Там же.

петрашевцев Достоевский резко критиковал окружающую действительность, ненавидел крепостничество, но революционером никогда не был, «ни в юности, ни в зрелых годах». И тем не менее его осудили по делу петрашевцев «как одного из важнейших». По предположению Попова, осудили «в связи с независимым характером даваемых Достоевским показаний». Годы каторги не уничтожили стремления писателя помочь страдающему народу, скорее, усилили его.

Попов не разделял мнения исследователей, а такие есть и сейчас, которые строго разграничивают два периода в жизни Достоевского — прогрессивно-революционный и реакционный по выходе из острога. Ученый рекомендовал очень осторожно относиться к письмам писателя после отбытия каторги: Достоевский «оставался верен своим этическим идеалам, связанным с неизменным участием к обездоленным, что проходит красной нитью по всем его литературным и критическим работам... кончая речью на Пушкинских торжествах».¹⁸ Перечисляя по имени всех героев главных романов писателя, автор статьи замечал: «Все эти образы обиженных и страдающих людей, составляющих единую цепь, из которой нельзя выкинуть ни одного звена, не разрушив полноты картины творчества Достоевского в целом как творчества верного себе гуманиста».¹⁹ О гуманизме писателя он говорил неоднократно.

По мнению Попова, никак нельзя называть реакционными работы писателя наиболее плодотворного, позднего периода его деятельности, ибо это означает «пройти... мимо философской значимости многих идей Достоевского, идей выдающегося мыслителя-моралиста».²⁰

Ученый дает удивительно тонкую и точную характеристику мирозерцания писателя, который ищет и не может найти причину зла и человеческого страдания. Но он твердо знает, что, прежде чем понять мир, осмыслить действительность, его надо *полюбить*.

«Для художника это — главное требование». Именно в этом исследователь видит «философский мотив, этическую основу всего творчества Достоевского». Оказывается, прежде всего надо «найти оправдание тому, что загадочно в общественной жизни, что мучительно для нравственного страдания». Но вся трудность в том, что нет и не может быть *однозначного* решения вопроса.

Приведем аргументацию Попова полностью: «Достоевский не мог выдвинуть однозначного решения социального вопроса; но он двоится, причем эта раздвоенность исключительная, резкая и даже мучительная, не дает права заключить, что выдвигаемое им официальное решение соответствует глубине его сознания. Чем дог-

¹⁸ Там же. С. 238.

¹⁹ Там же. С. 239.

²⁰ Там же.

матичнее выставляется это решение Достоевским, тем больше оно вызывает сомнение в том, искренен ли был Достоевский..., не является ли это провозглашенное писателем законченное решение лишь удобным средством, чтобы беспрепятственно продолжить свои сосредоточенные думы над загадками жизни». ²¹

И Попов свидетельствует о «кричащих противоречиях» и в публицистике писателя, и в его интимных признаниях, и на страницах его романов. Эти противоречия преследовали Достоевского всю сознательную жизнь, были принципом его художественной манеры. Одним из таких вопросов, на который писатель искал и не мог найти окончательного ответа, был вопрос о бытии Бога. Попов останавливается на этом вопросе специально. Видимо, он интересовался и самого ученого. Он приводит почти полностью беседу братьев Карамазовых — Ивана и Алеши, где герои не приходят к однозначному выводу. В этой связи Попов рассматривает отношения Достоевского с Победоносцевым, который, как известно, не был доволен аргументацией писателя, поскольку аргументация атеиста Ивана казалась неуязвимой.

Попов анализирует диалог братьев как специалист-логик, обращаясь к известным со времен средневековья доказательствам бытия Бога. Последуем за ним. Все доказательства бытия Бога сводились к одному: есть действие — должна быть его причина; есть мир — должно быть его начало; есть моральные принципы — должно быть их моральное основание; есть стремление к совершенству — должно быть само совершенство и т. д. Но возможна и обратная аргументация, напоминал Попов, аргументация атеистов: если есть мировой порядок — значит идея абсолюта излишня; если есть моральные нормы — это значит, что они выработаны самой жизнью. Таким образом, атеист хотя прямо и не опровергает факт существования Бога и даже допускает его, но затем доказывает, что действия Бога аморальны. Так рассуждал и Иван Карамазов.

По словам Попова, «матерый церковник» В. В. Розанов был вынужден признать оригинальность мышления Ивана, который прямо не отрицал Бога, но восставал против его порядка. Попов поясняет: Иван Карамазов применяет прием, известный в науке под названием «контрпозиция»: отрицание некоторых черт в действительности влечет за собой отрицание этих черт в первопричине, вследствие чего отпадает возможность видеть в Боге действительного Бога, т. е. благого Творца. Такой Бог оказывается аморальным, сам лишает себя права называться Богом. Кто прав в этом споре, остается решать читателю.

Попов разъясняет причину «бунта» Ивана Карамазова. В его основе факты жизни, которые пережил и прочувствовал писатель

²¹ Там же. С. 240.

в царской действительности. В разговоре братьев аргументация автора — Достоевского приобрела живую, образную форму.

Опустим некоторые соображения автора статьи, которые сами по себе представляют философский интерес. Обратим внимание на наиболее важные моменты, характеризующие мировоззрение Достоевского.

Попов — автор смелый. Он критикует Н. Бердяева. Он не согласен с теми, кто не видит разницы между Достоевским и Победоносцевым, кто не идет «дальше утверждения, что „Братья Карамазовы“ являются проповедью мракобесия». Примечательны слова ученого: «Надо иметь хоть капелючку эстетического вкуса и эстетического чутья, чтобы не смешивать Достоевского с Победоносцевым, какими бы дружескими узами они не были связаны. Ведь и Сальери был другом Моцарта».²²

Знаменательно заключение статьи. Для Попова несомненно, что Достоевский — это писатель *исканий*. Недаром многие герои Достоевского ищут причину и источник человеческих страданий, хотя иногда заходят в тупик. И тем не менее Достоевский дорог ему своей многосторонностью, многозначностью, которая не укладывается ни в какие рамки. Он пишет: «То, что авторы самых разнообразных специальностей, школ и направлений находят точку опоры у Достоевского, говорит об исключительном богатстве идей, часто противоречивых, но весьма ярких у нашего писателя». И далее: «Самое неблагоприятное, можно сказать порочное и даже трагическое для исследователя, да и для всякого читателя — пройти мимо того, что составляет подлинный центр, живой нерв писателя. Главный враг тут — односторонность... Ни идеологию, ни писательский талант или своеобразие художника нельзя втиснуть в готовые, впрямь препарированные рамки: вот — революционный демократ, вот либерал, вот консерватор; при таком подходе такие авторы, как Достоевский, рассекаются на... ничего не значащие половинки».²³ Иными словами, нельзя делать того, что предлагал Ермилов.

Попов обнаружил тонкое понимание Достоевского как писателя и как мыслителя. Он говорил о Достоевском: «Он и не славянофил, хотя сам относит себя к „почвенникам“, он и не западник, хотя и вложил в уста Версилова восторженные речи о западной культуре. Он не ортодокс, но и не позитивист, игнорирующий вопросы религии. В этом отношении он клубок противоречий».²⁴

Действительно, Достоевского нельзя разложить по полочкам, вытаскивать из контекста отдельные фразы. Важно и ценно, что ко всему писатель подходит всесторонне, рассматривая все «за»

²² Там же. С. 247.

²³ Там же. С. 248.

²⁴ Там же. С. 249.

и «против». Писатель-диалектик не сглаживал противоречий, а искал их живую подоплеку. Искал настойчиво, упорно, и не только логическими рассуждениями.

Попов подметил важную особенность творчества Достоевского, в котором нашла выражение характерная тенденция литературы XIX и особенно XX в. — ее сближение с философией. Это сближение выразилось не в том, что литература стала своего рода иллюстрацией философских теорий, а в том, что философия проявилась как сложное мировоззрение героев литературных произведений.

А. В. ОТЛИВАНЧИК

ДОСТОЕВСКИЙ В ПЕРИОД РЕДАКТИРОВАНИЯ «ГРАЖДАНИНА»: ДАТЫ И ДОКУМЕНТЫ

(К уточнению вопроса)

I

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (Т. 29)

Тщательная и кропотливая работа с эпистолярным наследием Достоевского, проведенная при издании академического Полного собрания сочинений (ПСС), к сожалению, не до конца устранила ошибки в обоснованиях датировок писем и пробелы в сведениях о тех из них, что до нас не дошли. Если оставить в стороне случайные факторы и особые причины (например, излишнее доверие комментатора к сомнительному свидетельству мемуариста¹), главным препятствием к успешному завершению работы в 1980-е гг. была вызванная идеологическими мотивами неполнота освещения советской наукой периода сотрудничества писателя в «Гражданине». Основаниями для предлагаемых передатировок и дополнений к Списку несохранившихся и найденных писем Достоевского служат указания самого писателя, содержание журнала «Гражданин», архивный ма-

¹ Именно это произошло при датировке первой записки Достоевского к метранпажу «Гражданина» М. А. Александрову. Указание современника писателя о «начале января 1873 года» оказывается для исследователя достаточно веским, не требующим проверки фактами. Тогда как нужно было учесть, что Александров писал свои воспоминания спустя без малого 20 лет после совместной с Достоевским работы в «Гражданине»; что по крайней мере одну записку Достоевского он датировал ошибочно — см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 534.